

ПОЕДИНОК

рассказ

Катерина Алексеевна, или Катя, как звали ее все на корабле, была еще молода, хотя и считалась «старой полярницей». Как и мужчины, она носила темный китель со светлыми пуговицами и меховую шапку, из-под

которой выбивались туго заплетенные косы.

Брови у нее были прямые с вертикальной складкой, которая делала бы широкое Катино лицо суровым, если бы не ямочки на щеках.

Помполит, не обращаясь ни к кому из сидевших в кают-компании, сказал:

— Екатерина Алексеевна, наша Катя, и радистка и метеоролог, она же и механик и повар. В Арктике, когда живешь на маленькой полярной станции, нужно быть мастером на все руки. Катя у нас и охотник неплохой. Катя, на вашем счету сколько медвежьих шкур? Одиннадцать? Ну вот видите... На медведя один на один выходит. Ей наверняка есть что вспомнить.

Катя улыбнулась.

— Уж не знаю, о чем вам рассказать, — начала она. — Подвигов я не совершила никаких, а вот если интересно вам послушать про обыкновенный бабий страх, могу рассказать.

Полярники переглянулись.

— Вам, мужчинам, может быть и смешно будет, а все-таки послушайте. Каждый о чем-нибудь вспомнит...

Катя пересела к нам поближе. Говорила она уверенно, как человек, много узнавший и перенесший. Роста была она небольшого, но сложения крепкого. Видно, выпекли ее из круто замешанного теста.

— Попала я в Арктику совсем еще девчонкой. Окончила семилетку на селе, год в колхозе проработала. И все тянуло меня неведомо куда... под полярное сияние. А какое оно, не представляла. У нас, под Рязанью,

в одну зимнюю ночь видно было это полярное сияние да и то я его просмотрела. Никак я этого простить не могла себе и вбила в голову — поехать на Север.

Родители сначала противились, а потом рукой махнули. Упрямой меня считали. А я в жизни не такая уж упрямая, просто настойчивая.

Словом, поступила я на метеорологические курсы. Помню, как-то объясняла своим девчатам, что такое метеоролог: наблюдать, мол, надо за погодой по флюгаркам да по градусникам. Ребята нашлись, которые посмеиваться стали над такой легкой работой. Не могли представить себе, как через каждые четыре часа, днем и ночью, в мороз и в пургу на метеоплощадку ходить, фонариком светить, замерзшими пальцами показания приборов записывать. И чтобы никогда времени не пропустить!

После окончания курсов попала я в Арктику, на мыс Окаянный, на небольшую зимовку.

Было нас на мысу четверо. Три парня и я. Все комсомольцы, все мечтали о подвигах, а насчет любви сразу же запрет объявили. Не для того мы в Арктику пошли. Словом, ребята подобрались хорошие.

Правда, через год я все-таки за Алешу замуж вышла, но целый год он даже пикнуть об этом не смел. Он сейчас в бухте Темной на радиоцентре работает. Мы с сынишкой к нему из отпуска возвращаемся.

Энергии у наших ребят хоть отбавляй, да и я от них отставать не хотела. Мы организовали у себя кружки разные. Кружок английского языка, музыкальный, физкультурный. В каждый кружок записывались вчетвером. Только вот в шахматный я не записалась. У женщин насчет шахмат все-таки слабовато дело обстоит.

За жизнью на Большой Земле мы следили внимательно. Тогда как раз начало развиваться движение ударников. Мы все стали думать, как на нашей полярной станции ударниками стать. Больше, чем надо, метеосводок не передашь, больше, чем требуется, радиogramм не отправить. Коля посоветовал мне по два обеда в день готовить (я у них

за метеоролога и за повара была), а он, дескать, берется в день по два обеда съесть.

Однако Миша, как начальник станции, заявил, что ударниками все-таки стать можно и должно.

Он предложил устроить на льду пролива гидрологическую станцию, чтобы брать регулярно пробы морской воды с разных глубин и определять ее соленость, температуру. Таких исследований в нашем районе не велось, а они были очень нужны.

Мы сразу согласились. Решили пробить на льду, подальше от берега прорубь, построить над ней будку и жить там по очереди. Оставшиеся на зимовке должны были сверх своих обязанностей выполнять работу отсутствующего дежурного.

Сказано — сделано.

Выбрали ребята место километрах в пятнадцати от берега, чтобы поглубже было, продолбили там прорубь. Я тоже вместе с ними ходила, лед рубила. Соорудили мы над прорубью будку изо льда и снега, ни дать ни взять — избушка. Работали по двое, а двое на зимовке отдувались.

Когда все было готово, мы сообщили о своем предложении по радио начальнику, получили разрешение.

И сразу же спор у нас вышел: кому первому на дежурство идти. Миша хотел идти первым, как начальник станции, но остальные воспротивились: это, мол, сверхплановая работа, и пусть Миша, как начальник, помолчит. Алеша предложил шахматный турнир разыграть. Кто выиграет, тот первый и пойдет. Я, конечно, нашумела тут как следует. Если я в шахматы не играю, так это не значит, что я первая не могу самой трудной работы выполнять?

Коля предложил жребий бросить. И выпало по жребию идти на первое дежурство мне.

Алеша хотел заменить меня. Я отказалась. Просил разрешения хотя бы проводить. Я сказала, что не с вечеринки домой иду, и стала собираться.

Оделась потеплее, взяла ружье, простилась с ребятами. Алеше вместо меня пришлось у плиты возиться, он меня заменял и на кухне и на метеоплощадке.

Все-таки до метеоплощадки он меня проводил. Как раз срок наблюдения подошел, не могла я его прогнать.

И увязались за нами собаки.

Были они для нас и радостью и горем. Любили мы их, сильных, лохматых, а с кормежкой плохо было. Продукты у нас на строгом учете, не имеем права их на собак расходовать. Полагалось для них нерп набить и мяса впрок заготовить еще летом. А мы только осенью приехали, да и охотиться как следует не умели. Собаки прожорливы были до ужаса. А ребятам удалось только две нерпы подстрелить, из моря же достали только одну... Вот и приходилось собакам из своего пайка уделять, да разве их прокормишь? Вечно смотрели они на нас голодными глазами. Ребята мечтали медведя подстрелить, да белые медведи к нам не показывались, а зимой о нерпах нечего было и думать.

Увязались за мной собаки. Алеша их еле-еле отозвал и с собой на полярную станцию увел.

Я долго смотрела ему вслед. Было полнолуние. Далеко видно. Алеша мне все шапкой махал. Я ему крикнула, что он уши поморозит.

Спустилась я с берега на лед и направилась по ледяному полю к нашей снежной избушке. Дорогу я знала, но на всякий случай по звездам курс держу, чтобы не сбиться с пути.

Отошла я от берега, скрылся он вдали, вокруг простор, залитый лунным светом. Остановилась, я смотрю на льды и словно впервые их вижу.

Одна я в пустыне. Тишина мертвая. Хоть бы в ушах зазвенело, и то бы обрадовалась. А тут словно оглохла. Страшно мне стало. Как будто на Луне или на какой-нибудь другой мертвой планете очутилась. Тихо... Мертвый блеск...

И такой я себе слабой, маленькой показалась, что хоть реви. Первым делом, конечно, про Алешу вспомнила. Ведь когда с ним

последний раз на зимовку возвращались, ничего такого не чувствовала. Что значит одиночество!

Крикнула я для храбрости. А голос мой, как в вате, пропал...

Меня ужас взял. Теперь уж и крикнуть рада, а горло перехватило. Звука нет. Так во сне бывает. Все тихо вокруг, и мрачно так блестит. Хоть бы тень какая-нибудь пробежала, что ли...

Чувствую — не могу идти. Хоть назад поворачивай и беги, спасайся. А от чего, сама не знаю. В детстве из темной избы или из сарая вот так же в холодном поту выскакиваешь... И вдруг слышу треск... Раньше тишина, будто слух от тебя отняли, а теперь треск. Легкий такой, словно искрит что-то вдали.

Ну, думаю, с ума схожу, мерещится. И гордость сразу свою потеряла. Алешу бы позвать, так ведь далеко уже отошла.

А что-то трещит себе да трещит... Скорее даже поет на одной ноте... Прислушиваешься, словно и нет ничего, а перестанешь слушать — снова не то звон, не то стон...

От этого звука я совсем потерялась, повернула назад и бегу.

Остановилась все-таки... Стараюсь себя в руки взять. Что ребятам скажу? Засмеют!

Стала заставлять себя о задании думать. Нам нужно было узнать, пресная или соленая вода идет у самого дна и куда направляются воды великих сибирских рек, которые впадают в полярное море. Воды эти более теплые, чем соленые, идущие из-под полюса... Вот если бы эти теплые воды как-нибудь использовать, чтобы полярные моря не замерзали... Ведь Баренцево море так и не замерзает из-за Гольфстрима.

Думаю обо всем этом и на льды смотрю. Растопить бы все эти льды, чтобы советские корабли и зимой здесь плавали. Непременно сделают это советские люди... Переделают и северную природу.

Думаю обо всем этом и на льды смотрю. Потом заставила себя снова лицом к морю повернуться, глаза зажмурила, чтобы не видеть

лунного света. Про лунатиков вспомнила. Действует же лунный свет на нервных людей...

И решила не отступить, хоть с закрытыми глазами, а вперед идти. Шагаю, как слепая, руки вперед протянула, а глаза открыть боюсь...

Вдруг споткнулась и упала. Коленку больно зашибла, и сразу слезы из глаз. Спасительная вещь эти слезы!..

Вытираю я слезы, а ресницы уже слиплись, смерзлись. Пальцами оттаивать приходится. За делом я и успокоилась немного.

Вперед уже с открытыми глазами шагаю, но по сторонам смотреть еще боюсь. И корю себя всячески — какой же, думаю, я переделыватель природы, если этой природы и испугалась.

Только эта мысль и повела меня вперед. Заставила я себя идти.

Много лет я потом в Арктике прожила. И пурга меня настигала в тундре, и шторм лютый я переносила, но такого чувства, как тогда в лунных льдах, никогда больше не испытывала.

Пожалуй, легче было бы мне на себе тушу белого медведя волочить, чем самое себя до снежной избушки довести.

Вошла я наконец в избушку, засветила коптилку, села на снежную табуретку и немножко всплакнула... Потом самой смешно стало.

В избушке у меня все из снега сделано. И лежанка — на ней спальный мешок, это мы с Алешей оставили, — и стол, и снежный табурет около него.

Сняла я с плеч мешочек, стала располагаться, ружье рядом с коптилкой положила. О том, как обратно пойду, и думать не хочется.

Решила сразу же работой заняться, первую пробу воды со дна взять.

Прорубь наша тонким слоем льда подернулась. Сняла я этот ледок, готовлю свой немудреный инструмент.

Подошла к проруби, нагибаюсь над ней и... назад!

Глазам не верю. Смотрит на меня из-под воды человеческое лицо... Различаю даже его черты: нос, рот, глаза большие, внимательные такие.

И все приближается ко мне это лицо. Я закричать была готова. Смотрю не отрываясь. Значит, мерещится мне, так решила.

А человеческое лицо поднимается все выше и выше. Я только зубы сжимаю, чтобы не стучали. Кажется мне, что усатый мужчина с огромными глазищами ко мне из воды поднимается...

Лицо в воде становилось все яснее и яснее, словно выступало из тумана. Два почти круглых глаза, усы... действительно усы! Все ближе эти глазищи, широко раскрытые и как будто любопытные. Смотрят на меня не мигая.

Я потянулась за ружьем и тут только сообразила: нерпа! Фу, ты, неладная!..

И сразу я на чудище морское по-иному взглянула.

Это же нерпа! Тюленьё мясо... Будь здесь ребята, да разве они ее упустили бы? Собаки-то голодные...

Выстрелить? Но она утонет, не достать... Как же ее выманить?

От многих полярников я слышала, что любопытнее нерпы нет животного. Говорят, где-то заводили возле проруби патефон, и нерпа вылезала на лед, интересовалась. Но как же мне быть? Патефона у меня нет. Как заинтересовать животное?

Стала я то приближать к воде лицо, то удалять. Пусть заинтересуется мной лично... Косы развязала, стала ими трясти над прорубью.

Но нерпа голову не высовывала и все смотрела на меня из-под воды. Тогда я опять про патефон вспомнила. Стала я нерпе насвистывать: «Скажите, девушки, подружке вашей». Она слушает, но не шевелится. Тогда я решила ее на голос взять. В деревне я певуньей считалась. Ну и стала я нерпе петь. Сначала потихоньку, чтобы не испугать, потом громче. Наконец полным голосом.

Нерпа слушает меня, подлая, не уплывает и не вылезает.

«Ну, подожди, — думаю, — усатая. Неужели тебя баба не перехитрит, если по тебе мои собаки скучают?»

Морду зверя я бы пальцем достать могла... Вспомнила я тут, как чукчи на нерпу зимой охотятся. Нерпы, которые непременно должны выбираться на лед, чтобы подышать, протаивают себе дыханием небольшие проруби. Чукчи находят эти проруби и укрепляют над прорубью шалашиком острые рыбы кости. Нерпа, выбираясь из воды, раздвигает эти кости, кости впиваются в ее кожу, и нерпа никуда деться не может: ни вылезти, ни обратно в прорубь опуститься.

С собой нож у меня был. Думаю: если опустить руки по плечи в воду, можно нерпу под ласты ухватить, а чтобы не выскользнула, нож ей всадить в бок, как рыбу кость...

Прорубь узкая, зверю в стороны не податься, а вниз уйти нож не пустит. Ухвачусь крепко за нож и вытащу зверя на лед, а потом из ружья пристрелю. Вмиг я это решение приняла. Выхватила нож, бросилась на прорубь. Круглые, преломленные в воде глаза совсем близко мне в лицо заглянули. Да я уж не боялась!

Не успела нерпа пошевелинуться, как я ей нож ниже ласт всадила. Обняла ее руками и вверх тащу.

Забилась нерпа. Я изо всех сил напрягаюсь, но ведь сила-то у меня все-таки не мужская, женская... Не держись я за нож, выскользнула бы нерпа, уплыла. Нож ее вниз не пускает. Она бьется. Прорубь узкая. Повернуться нерпе негде, она вырваться не может. Но и я ее вытянуть не могу.

Лежу у проруби, напрягаюсь до боли в суставах. Бьется зверюга. Кожу у меня на руках о лед ободрало. Вода ледяная... Пальцы неметь стали. Обидно мне, прямо до слез. Упущу сейчас добычу, а все от женской своей слабости. Напрягаюсь изо всех сил... И удалось мне, обнявшись с нерпой, на колени встать.

Голова нерпы из воды показалась. И сразу всякое сходство с человеческим лицом исчезло. Одну ногу я на лед ступней поставила... Еще одно усилие... Стала я приподымать тушу из воды...

«Врешь, не вырвешься, — шепчу, — не на такую напала!»

Приподнялась я на обе ноги и, чтобы скорее зверя из воды вытащить, повалилась на бок и ее рядом с собой повалила. Она оказалась почти со мной одного роста.

Нерпа начала биться, извиваться. Выскользнула. Нож у меня в руке остался, порезала я о него другую руку. Нерпа хвостом ударила и смахнула со стола коптилку. Загремело ружье. Остались мы в полной темноте.

Только бы в прорубь зверя не упустить!

Кинулась я на прорубь и закрыла ее своим телом. Нерпа сама на меня бросилась. В воду пролезть хочет. От нее рыбой и ворванью воняет...

Темно, до ружья не дотянешься, да и где теперь оно — неизвестно...

Продолжался наш бой во мраке. Хлестнуло меня чем-то тяжелым и мокрым по лицу так, что в голове загудело. Верно, она хвостом меня... А я размахиваю руками, норовлю ножом ее ударить.

Врут все, которые говорят, что тюлень на льду беспомощен. Я потом слышала, что морж с белым медведем драться может. Ну и нерпа со мной дралась. Дралась на равных. Дорого дался мне этой бой. Впервые в жизни у меня рукопашная такая вышла. Но все-таки я не упустила ее в воду... не упустила!

Шкуру нерпы мне потом пришлось зашивать местами в двадцати. Я требовала, чтобы Алеша зашивал, а он уверял, что это женское дело. Ну, я зашила. Всем ребятам шапки сделала. Красивые вышли.

А я с синяками ходила... Тело ныло, словно меня дубинами били.

Но обратно я шла уже без всякого страха, хоть и луна и льды прежние были.

— Катя умолкла, — продолжал свой рассказ Борис Ефимович. — Маша смотрела на нее, не спуская глаз. — Помню, в мою сторону она оглянуться боялась.

Я выбил трубку и сказал: «Славный у вас, Катя, поединок был... с самой собой! Потому и полярницей настоящей стали».

Один из слушателей заметил: «А верно Катерина Алексеевна сказала: каждый из нас о таком пережитом страхе может вспомнить. Без того полярником не становишься».

Я ответил: «Это, конечно, верно. Каждый мужчина тоже такие страхи переживал. Только вот, пожалуй, мужчина об этом никогда бы не рассказал».

Тут все рассмеялись, но со мной согласились.

Потом попросили меня что-нибудь рассказать.

Что ж, у капитанов всегда найдется, что вспомнить. Откашлялся я, затащусь трубкой и говорю: «Сегодня мы крепко поработали, сразу весь уголь на берег перетаскали».

Вижу — Маша моя краской наливаётся. А я продолжаю: «Не всегда так удачно получается. Бывает, что к острову и не подойдешь, выгрузку ведешь на ледяной припай. А уйти порой приходится раньше, чем успевают полярники уголь на берег перетаскать. Подует ветер, шторм начнется — отломит льдинку вместе с топливом и... поминай, как звали!»

«Неужели были такие случаи?» — спросил кто-то.

«Бывали», — ответил я.

«И полярники зимовали без топлива?»

«Всякое случалось. Например, на острове Врангеля... Не могли туда пройти корабли. Вот полярники и прозимовали две зимы без топлива. Могли улететь, да не захотели. А в другом месте, отсюда неподалеку, так там ветром весь уголь унесло вместе с береговым припаем».

«Без топлива зимой... да разве можно?» — спросила Маша. Невольно это у нее вырвалось.

«Смотря кому, — смеюсь я. — Вот я вам расскажу сейчас про полярников, которым и это оказалось под силу. Одного из них вы все знаете... Они зимой ветром грелись».

«Теплым ветром? Разве такие тут бывают?» — удивился кто-то.

«Зачем теплым? Умеючи и холодным можно погреться».

И я рассказал про остров и его самоотверженных обитателей.